

Къ исторіи русскихъ духовныхъ стиховъ о преподобныхъ Варлаамѣ и Іоасафѣ.

Посвящается проф. Н. Ѳ. Сумцову.

Къ числу наиболѣе популярныхъ святыхъ, воспѣтыхъ не только въ старой житійной литературѣ, но и въ русской народной поэзіи, принадлежатъ знаменитые царевичъ индійскій Іоасафъ и учитель его Варлаамъ, особенно царевичъ, привлекавшій народное вниманіе своею удивительною судьбой, своимъ обращеніемъ ко Христу противъ воли и стараній отца, преслѣдованіями, которымъ онъ подвергся со стороны отца за вѣру, и особенно своимъ отреченіемъ отъ славы и радостей жизни, удаленіемъ въ пустыню и подвижническою жизнью въ ней. Въ настоящемъ очеркѣ я не имѣю въ виду касаться общихъ судебъ легенды о названныхъ святыхъ и литературной исторіи ихъ житія; я предполагаю только обратить вниманіе на народные русскіе духовные стихи о нихъ, интересуясь вопросами о происхожденіи и отношеніи этихъ стиховъ какъ между собою, такъ и къ письменнымъ памятникамъ. Текстовъ стиховъ дошло до насъ довольно много, какъ въ рукописяхъ и старопечатныхъ изданіяхъ, такъ и въ записяхъ, сдѣланныхъ изъ устъ народныхъ пѣвцовъ; въ „Калѣкахъ переходящихъ“ Безсонова издано до 15 текстовъ, извлеченныхъ изъ рукописей, 2—изъ старопечатныхъ изданій, и 67 текстовъ, записанныхъ этнографами-собираателями.

Разсматривая тексты стиховъ объ Іоасафѣ, старые и новые, мы можемъ установить нѣсколько ихъ типовъ. Располагаю обзорѣніе ихъ по возможности въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія въ печати или рукописи, исходя изъ опыта распредѣленія, сдѣланнаго А. И. Кирпичниковымъ¹⁾.

¹⁾ Греческіе романы въ новой л-рѣ.... Харьковъ 1876, стр. 178—187; Исторія Рус. Слов. Галахова², § 20 (1, стр. 234—7).

Первый типъ. Еще въ Кутеинскомъ изданіи (1637) „Исторіи о житіи... Варлаама и Іоасафа“ мы находимъ, въ приложеніи къ книгѣ, стихотворную „Пѣснь св. Іоасафа, кгда вышелъ на пустыню“. „Пѣснь“ написана на церковно-славянскомъ языкѣ, отличаясь въ этомъ отношеніи отъ самой „Исторіи“, изложенной книжнымъ языкомъ Юго-Западной Руси того времени. „Пѣснь“ напечатана короткими строчками, въ видѣ какъ бы стиховъ, хотя текстъ ея представляетъ скорѣе мѣрную прозу, лишь искусственно раздѣленную на стихи (можетъ быть, этотъ текстъ приспособленъ былъ для пѣнія?). Главная мысль этой короткой „Пѣсни“ — привѣтъ пустынѣ, просьба о принятіи ея пѣвца „въ нѣдро свое“, желаніе промѣнять на пустыню царскіе чертоги, радость, вызываемая созерцаніемъ природы. Кирпичниковъ¹⁾ полагаетъ, что „чистый церковно-славянскій языкъ Кутеинской пѣсни доказываетъ, что она зашла съ сѣвера“. Однако, нѣкоторые южно-русскіе дѣятели просвѣщенія умѣли владѣть „чистымъ церковно-славянскимъ языкомъ“, какъ во второй половинѣ XVII в. (припомнимъ св. Димитрія Ростовскаго), такъ и въ первой, когда Мелетій Смотрицкій писалъ свою знаменитую грамматику церковно-славянскаго языка. Съ другой стороны неясно, съ какого именно сѣвера могла зайти „Пѣснь“ къ издателямъ Кутеинской „Исторіи“. Мнѣ кажется, естественнѣе думать, что „Пѣснь“ составлена кѣмъ-либо изъ дѣятелей южно-русской литературы и просвѣщенія. Интересъ въ ихъ средѣ къ исторіи царевича и въ частности къ его душевному построению при удаленіи въ пустыню проявляется и позднѣе (см. ниже); далѣе, разработку чисто лирическаго мотива мы скорѣе можемъ ожидать встрѣтить у южно-русскаго книжника, въ значительной степени уже проникнутаго вниманіемъ къ душевному міру личности и идеею сознательнаго поэтическаго творчества, вводившаго щедрою рукою въ русскую литературу формы искусственной поэзіи. И неопредѣленность стихотворной формы соответствуетъ времени ранѣе половины XVII в., когда происходило у южно-русскихъ писателей исканіе стихотворной формы, и силлабическіе вирши еще не сдѣлались типичною формою поэтическаго творчества данной среды и эпохи²⁾.

1) Романы..., 184.

2) Мелетій Смотрицкій въ 1619 г. старался еще дать теорію метрическаго стиха. Наиболѣе же раннею формою стиха являются рифмованныя строки безъ размѣра. Объ этомъ вообще см. В. Н. Перетцъ, „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, т. I и III.

Въ рукописяхъ, съ XVII в., встрѣчаются тексты, очень близкіе къ этой „Пѣсни“; нѣкоторые изъ нихъ напечатаны у Безсонова¹⁾, подъ №№ 64—66, 177—178 (т. I, стр. 245—9, 737—740). Эти рукописные тексты начинаются обыкновенно воззваніемъ: „О прекрасная Пустыня, Пріими мя въ свои частины“ (или „во свою частыню“). Главнымъ образомъ они отличаются отъ „Пѣсни“ Кутеинскаго изданія тѣмъ, что развиваютъ болѣе подробно мысль о замѣнѣ прелести свѣта сего, тлѣнной и полной искушеній, — пустынею. Связь ихъ съ „Пѣснью“ несомнѣнна: не только общая идея, но и многія выраженія совпадаютъ вполне; не буду приводить тому доказательствъ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ уже разъясненъ Кирпичниковымъ; названный ученый, основываясь на такомъ сходствѣ, предполагалъ, что или рукописные тексты представляютъ распространеніе „Пѣсни“, или эта послѣдняя—сокращеніе редакціи, сохраненной рукописными текстами²⁾. Для меня несомнѣнно первое, не только потому, что Кутеинскій текстъ является древнѣйшимъ, но и потому, что рукописные тексты стоятъ гораздо ближе Кутеинскаго къ силлабическому типу стихосложенія, большею частью имѣя уже риѣмы, хотя иногда и очень несовершенныя; стихи еще неровные, но по большей части 8-сложные. Думаю, что тотъ, кто передѣлывалъ стихъ, передѣлывалъ въ направленіи силлабическаго стихосложенія, но едва-ли наоборотъ. Кирпичниковъ различалъ двѣ передѣлки: одну, представленную у Безсонова текстами №№ 64—66, другую—№№ 177—178: нѣкоторыя, говоритъ онъ, подробности „Пѣсни“ не вошли въ одну группу, но сохраняются въ другой; такъ, Кирпичниковъ указываетъ на сравненіе міра съ блудницею, сохраненное второю группой. Однако, это указаніе представляется мнѣ не совсѣмъ понятнымъ: такое сравненіе есть и въ стихахъ, относимыхъ Кирпичниковымъ къ первой группѣ; да и другія сколько-нибудь важныя подробности встрѣчаются въ стихахъ, входящихъ и въ ту и въ другую изъ

1) N Румянцевской рукописи, по которой напечатанъ у Безсонова вариантъ подъ № 65, издателемъ не отмѣченъ; это № 408; въ изданіи есть нѣкоторыя неточности. Въ томъ же рукописномъ собраніи (Моск. Публичн. и Румянц. Музеевъ) данный типъ стиха встрѣчается, въ очень близкомъ видѣ, и въ другихъ рукописяхъ: Ундольск. №№ 671, 2852.

Кирпичниковъ въ своей работѣ упоминаетъ специально о Феодоровской рукописи, свѣдѣнія о которой сообщены Безсоновымъ въ предисловіи къ „Калѣкамъ“ (названа имъ по имени купца Феодорова, которому она принадлежала); но представляемый ею текстъ — только одинъ изъ ряда текстовъ.

2) Н. соч., 184.

указываемых имъ группъ, и я полагаю, что для такого подраздѣленія нѣтъ достаточныхъ основаній. Еще девять рукописныхъ текстовъ перечисляетъ проф. В. Н. Перетцъ въ составленномъ имъ списокѣ извѣстныхъ ему рукописныхъ текстовъ духовныхъ стиховъ.

Переработки „Пѣсни“ принадлежать, очевидно, лицамъ, вошедшимъ во вкусъ южно-русскаго силлабическаго стихосложенія: черты этого стихосложенія, особенно преобладаніе женской риѣмы и перенесеніе ради нея ударенія на предпоследній слогъ, а равно и риѣмованіе *ь* и *и*, мы находимъ и въ томъ текстѣ (Безсоновъ, № 178), который по Кирпичникову представляетъ „сѣверно-русскую редакцію“ рукописную (напр. стихи 53—54: *царю—благодарю*; 59—60: *сподоби—свободи*; 33—34: *звѣрь—міръ*).

Далѣе, мы находимъ стихи, записанные изъ устъ народа и повторяющіе мысли „Пѣсни“; стихи эти записаны Кирѣевскимъ, Рыбниковымъ, Языковымъ, Ильинскимъ¹⁾, въ губерніяхъ Олонецкой, Московской, Симбирской, Ярославской; они свидѣтельствуютъ о распространенности въ народѣ даннаго мотива. Народные стихи, воспроизводящіе тему „Пѣсни“, восходятъ, очевидно, какъ къ своему источнику, къ ней или къ рукописнымъ текстамъ (указаннымъ выше или подобнымъ имъ), повторяя ихъ мысли. Риѣма бѣльшею частью уже разрушена, какъ нѣтъ и чертъ южно-русскаго говора; но удерживается короткій стихъ, женское по преимуществу окончаніе стиха, наконецъ отдѣльныя выраженія, въ родѣ „зыблющагося листвія“; кромѣ текстовъ у Безсонова (№№ 61—63) сюда относится стихъ, записанный г. Ильинскимъ подъ № II²⁾.

Переходъ отъ рукописныхъ текстовъ къ устнымъ совершался постепенно, и нѣкоторыя черты, отличающія устные тексты, попадаютъ уже въ рукописяхъ; таково, напр., осмысленіе непонятныхъ терминовъ: замѣна *кедровыхъ* деревьевъ *кудрявыми* отмѣчена Кирпичниковымъ еще въ рукописи (И. П. Б., о. № 27, XVII в.).

Типъ стиха, представленный разсмотрѣнною группою текстовъ, обнаруживающихъ столь тѣсное родство между собою и имѣющихъ своею старшею представительницею Кутинскую „Пѣснь“, называю въ дальнѣйшемъ, слѣдуя Кирпичникову, „Пѣснью“.

Второй типъ — это „Молитва св. Іоасафа, въ пустыню

1) „Живая старина“ 1906.

2) Указ. книга, стр. 53—54.

входяща”, приложенная къ Московскому изданію Житія Варлаама и Іоасафа, 1681 г. („Исторія или повѣсть о преподобныхъ отцѣхъ Варлаамѣ и Іоасафѣ”); перепечатана у Безсонова подъ № 75. Эта молитва также изложена на церковнославянскомъ языкѣ, короткими силлабическими стихами (8-сложными) южнорусскаго типа, съ женскими риѣмами въ каждой парѣ стиховъ. Содержаніе молитвы представляетъ также изліяніе молящимся передъ Богомъ своего душевнаго настроенія: онъ оставляетъ славу міра для пустыни, жаждая подвига, проситъ пустыню принять его; онъ надѣется въ пустынѣ милостію Христовою преодолѣть всѣ предстоящіе ему тамъ труды; въ заключеніе онъ прославляетъ Варлаама и выражаетъ надежду на соединеніе съ нимъ. И эта „Молитва” почти буквально воспроизводится въ рукописяхъ; проф. В. Н. Перетцъ (въ указанномъ выше мѣстѣ) насчитываетъ 15 извѣстныхъ ему рукописныхъ текстовъ; изъ нихъ два текста напечатаны у Безсонова въ названномъ изданіи, №№ 73—74; съ ними также почти буквально совпадаютъ устные стихи, изъ которыхъ два, записанные въ Симбирской губ. и въ Москвѣ, приведены Безсоновымъ въ вариантахъ къ № 73, а третій записанъ Ильинскимъ въ Ярославской губ. среди раскольниковъ, любителей старой книги. Кирпичниковъ назвалъ этотъ типъ стиха „Молитвою”, какъ буду далѣе называть его и я.

Третій типъ. Стихотвореніе, изложенное силлабическимъ 13-сложнымъ стихомъ (извѣстнымъ по стихотвореніямъ хотя бы Симеона Полоцкаго или Кантемира) и представляющее краткое изложеніе житія Варлаама и Іоасафа, на основаніи, вѣроятно, повѣсти объ ихъ жизни. Напечатано въ томъ же Московскомъ изданіи 1681 г.; помѣщено также въ той „Федоровской” рукописи, которою пользовался Безсоновъ и по которой онъ напечаталъ данный текстъ въ „Калѣкахъ”, подъ № 59; другой списокъ упоминаетъ проф. В. Н. Перетцъ (ук. мѣсто). Стихотвореніе, очевидно, принадлежитъ перу южнорусскаго силлабическаго стихотворца (риѣмы: лицѣ—человѣцѣ, содѣя—своея), хотя сочинено, можетъ быть и въ Москвѣ. Остановливаться на этомъ третьемъ типѣ стиха я не буду, такъ какъ въ настоящее время интересуюсь стихами, сохранившимися въ устахъ народа, данная же версія, сколько извѣстно, въ народъ не перешла; но нѣкоторое, косвенное, значеніе для объясненія судебъ народныхъ стиховъ она, по моему мнѣнію, имѣетъ.

Четвертый типъ извѣстенъ въ рукописи и въ записяхъ, сдѣланныхъ на основаніи устнаго исполненія; у Безсонова

(№ 176) напечатанъ текстъ, записанный въ Нило-Сорской пустыни; варианты приведены по другому, рукописному тексту; судя по сообщенію Кирпичникова, данный типъ стиха поется и по другимъ мѣстамъ; есть указанія именно на монастыри: Кирпичникову „въ дѣтствѣ случалось его слышать съ незначительными вариантами въ Саровской пустынѣ”¹⁾; Кирпичниковъ называетъ его „монастырскою пѣснею”. Кромѣ того, одинъ текстъ того же типа изъ устъ народа напечатанъ въ „Смоленскомъ этнографическомъ сборникѣ” В. Н. Добровольскаго²⁾; онъ очень близокъ къ безсоновскимъ текстамъ и отличается отъ нихъ сокращенностью, перестановкою нѣкоторыхъ подробностей и искаженіемъ другихъ вслѣдствіе ихъ непонятности.

Содержаніе этой пѣсни, очевидно, навѣяно житіемъ Варлаама и Іоасафа: въ ней повѣствуется о старцѣ, принесшемъ царскому сыну драгоцѣнный камень; слѣдуетъ описаніе достоинствъ камня: удобнѣе (легче) солнце взять рукою, чѣмъ оцѣнить этотъ камень; далѣе—объясненіе (камень—Христосъ); царевичъ стремится въ пустыню за старцемъ; просьба царевича къ пустынѣ—довести до старца; пустыня устрашаетъ Іоасафа трудностью пустынножитія; онъ выражаетъ желаніе жить такъ, какъ пустынѣ угодно, и молится о своемъ соединеніи съ Варлаамомъ.

Отъ кого именно записанъ Безсоновскій стихъ, отъ кого его слышалъ Кирпичниковъ, не извѣстно; о рукописи, изъ которой взялъ Безсоновъ текстъ, онъ также не сообщаетъ обстоятельныхъ свѣдѣній. Но и не имѣя такихъ свѣдѣній, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что данный типъ стиха имѣетъ книжное происхожденіе и къ пѣвцамъ перешелъ изъ книги; по формѣ онъ разбитъ на строфы, по 5 стиховъ каждая; первые три стиха строфы почти всегда 6-сложные, четвертый большею частью 7—8-сложный, а пятый—очень короткій, большею частью имѣетъ три слога. Такая правильность указываетъ на ту же искусственную школу силлабической версификаціи³⁾.

Это подтверждается еще нижеслѣдующимъ обстоятельствомъ. Данный типъ стиха напечатанъ, кромѣ изданія Без-

1) Н. соч., 185, примѣч.

2) Т. IV, 666—667.

3) Я не понимаю, почему Кирпичникову казалось, будто этотъ типъ стиха „составленъ правильнымъ трехстопнымъ хореемъ” (И. Р. Сл. Галахова², I, 237).

сонова, еще въ одной книжкѣ, собраніи благочестивыхъ стихотвореній, принадлежащемъ іеромонаху Кіево-Печерской Лавры, Владиміру Мусатову. Указалъ мнѣ на эту книжку, именно на 5-е изданіе ея, А. В. Марковъ; у меня подъ руками уже 13-е, посмертное изданіе, 1905 г.¹⁾ Очевидно, названная книжка пользуется нѣкоторою популярностью, и съ нею приходится до извѣстной степени считаться изслѣдователю религиозныхъ мотивовъ въ русской народной пѣснѣ. Іеромонахъ Владиміръ не опредѣляетъ, къ сожалѣнію, внесъ ли онъ что нибудь свое въ собранныя имъ стихотворенія²⁾, но указываетъ, что главнымъ образомъ являлся въ роли собирателя: записывалъ то, что слышалъ хорошаго отъ благочестивыхъ старцевъ, которыхъ онъ посѣщалъ въ русскихъ монастыряхъ; какъ сообщаетъ онъ самъ въ „Предувѣдомленіи“ къ книжкѣ, онъ „многokrato слышалъ ихъ поющихъ духовныя псалмы....; иногда со словъ ихъ писалъ на бумагѣ духовныя псалмы, иногда выпрашивалъ у нихъ таковыя списать, а отъ нѣкоторыхъ для памяти получалъ псалмы въ даръ“. Среди записанныхъ имъ псалмъ встрѣчаемъ, на примѣръ, очень извѣстную псалму св. Димитрія Ростовскаго: „Исусе мой прелюбезный, сердцу сладосте“ (№ I); подъ № IV находимъ „надгробные стихи св. Димитрію...., написанные.... Стефаномъ“³⁾ („Взираи съ прилежаніемъ, тлѣнный человѣче“....).

Хотя у Мусатова встрѣчаются и стихотворенія, изложенныя тоническими размѣрами, но стихотворенія силлабическія, въ стилѣ произведеній старой школьной литературы, преобладаютъ⁴⁾. Среди стихотвореній есть одно (№ XXI, послѣднее),

¹⁾ Благоговѣйныя чувства души, стремящейся къ Богу, или духовныя псалмы, собранныя въ назиданіе христіанъ отъ разныхъ богоугодной жизни старцевъ, затворниковъ и пустынножителей, Кіево-Печерской Лавры іеромонахомъ, блаженныя памяти, Владиміромъ Мусатовымъ. Кіевъ. 1905.

²⁾ Повидимому, если вносилъ, то мало: свои записи онъ „почелъ за полезное, снова всѣ оныя пересмотрѣвъ и, гдѣ нужно, *исправивъ—паче въ правописаніи*, предложить въ пользу ближнихъ“, т. е. издать („Предувѣдомленіе“).

³⁾ Упоминаю объ этихъ стихахъ потому, что они также встрѣчаются и среди записей, сдѣланныхъ изъ устъ народныхъ пѣвцовъ; см. псалму „Взираи съ прилежаніемъ“.... въ сборникѣ Истомина и Дютша: Пѣсни Рус. народа (изъ Олонецкой губ.), 1894, № 8.

⁴⁾ И въ сферѣ школьной литературы въ XVIII в. сочиняются тоническія стихотворенія, по новой модѣ (вслѣдъ за Ломоносовымъ и др. новыми поэтами), особ. оды. См. примѣры хотя бы у И. Е. Евсѣева, Опис. р-сей орловскихъ книгохранилищъ, I (Ор. 1905), № 41; Е. В. Пѣтухова, Замѣтки о нѣкоторыхъ р-сяхъ, хранящихся въ Библиотекѣ Института Кн. Безбородко, 33—40.

представляющее почти дословное совпадение с Безс. № 176. Стихъ значительно разрушенъ и искаженъ, но всеже достаточно ясно указываетъ на силлабическій характеръ своего первообраза. Помѣщеніе этого стиха въ книжкѣ Мусатова, въ сосѣдствѣ съ другими силлабическими виршами, подкрѣпляетъ высказанную раньше мысль о книжномъ его происхожденіи; въ основѣ его очевидно какіе нибудь, хотя и не дошедшіе до насъ, въ цѣльномъ и оригинальномъ видѣ, силлабическіе вирши.

Во всѣхъ указанныхъ вариантахъ риѣму находимъ не всегда, стихъ подвергся искаженію, но въ общемъ достаточно ясно, что въ основѣ его лежитъ силлабическое стихосложеніе. Весьма возможно, что на страницы рукописи, какъ и въ книгу Мусатова и въ изданіе Безсонова, данный стихъ попалъ со словъ какого-нибудь благочестиваго старца, пѣвшаго старинную псалму, а можетъ быть, и записавшаго ее; что такую же псалму слышалъ и Кирпичниковъ. Въ дальнѣйшемъ сохраняю и за этимъ типомъ стиха данное ему Кирпичниковымъ названіе „Монастырской пѣсни“.

Пятый типъ стиха о Варлаамѣ и Іоасафѣ, наиболѣе распространенный и извѣстный по преимуществу въ устной передачѣ,—это тотъ, который содержитъ въ распространенномъ видѣ діалогъ царевича Іоасафа съ пустыней. Царевичъ проситъ пустыню принять его; пустыня указываетъ на многоразличныя трудности жизни въ ней; царевичъ заявляетъ, что ему не дороги прелести міра, что онъ готовъ къ подвигу, и что утѣшаться онъ будетъ тѣмъ наслажденіемъ природой, которое дастъ ему пустыня. Данный типъ наиболѣе заслуживаетъ вниманія со стороны историка народной поэзіи, въ виду его особой популярности и распространенности именно въ устной поэзіи; очевидно, онъ представляетъ моментъ легендарной біографіи Іоасафа, наиболѣе полюбившійся народнымъ пѣвцамъ.

Все вниманіе сосредоточено въ этомъ стихѣ на одномъ моментѣ легендарной біографіи Іоасафа, на моментѣ вступленія его въ пустыню; этотъ моментъ, требовавшій особаго напряженія духовныхъ силъ героя, наиболѣе рѣшительный моментъ его жизни, по преимуществу привлекалъ тѣхъ поклонниковъ аскетическаго идеала, которые воспѣвали подвиги царевича.

У Безсонова напечатано 12 вариантовъ даннаго типа стиха (№№ 45—55, 58), записанныхъ изъ устъ народа въ разныхъ мѣстахъ Россіи (въ губерніяхъ Московской, Орловской, Тульской, Рязанской, Симбирской), и два рукописныхъ текста (№№

56—57), къ которымъ слѣдуетъ прибавить рукописный текстъ, указанный проф. В. Н. Перетцемъ (означенное мѣсто). Различные варианты этого типа въ общемъ довольно согласны между собой. Съ внѣшней стороны варианты разсматриваемаго типа также представляютъ короткій стихъ, до известной степени напоминающій разсмотрѣнные выше типы, и женскія окончанія.

Кирпичниковъ полагалъ¹⁾, что въ основу даннаго типа, который онъ называлъ „Діалогомъ“, и за которымъ я сохраняю это названіе, легла разсмотрѣнная выше Кутеинская „Пѣснь“²⁾ (первый типъ); рѣчь Іоасафа «излагаетъ вкратцѣ содержаніе „Пѣсни“, отчасти въ тѣхъ же выраженіяхъ» („яко мати свое чадо“); въ отвѣтѣ его тоже отчасти выраженія „Пѣсни“ („не стражай“....; въ примѣчаніи изслѣдователь по поводу даннаго мѣста замѣчаетъ: „Въ пѣсни сходное выраженіе связано съ самимъ романомъ; здѣсь оно какъ будто послужило мотивомъ для созданія діалога“).

Повидимому, всѣ отличія даннаго типа отъ Кутеинской „Пѣсни“ Кирпичниковъ приписываетъ народнымъ пѣвцамъ, допуская, впрочемъ, что нѣкоторыя изъ нихъ они почерпали и изъ другихъ книжныхъ источниковъ; такъ, подробность о веснѣ и кукушкахъ взята, думаетъ онъ, изъ другого рукописнаго варианта, въ родѣ напечатаннаго у Безсонова подъ № 57; кое-что взято было, по его мнѣнію, изъ Житія Варлаама и Іоасафа, которое было этимъ пѣвцамъ знакомо³⁾.

Далѣе, по мнѣнію Кирпичникова, этотъ уже народный стихъ повліялъ на „Монастырскую пѣсню“, т. е. на четвертый типъ стиха, во второй его половинѣ; въ прочемъ эта „Монастырская пѣсня“ порождена Житіемъ нашихъ святыхъ. Такимъ образомъ, взаимоотношеніе типовъ стиха, изученныхъ Кирпичниковымъ, какъ онъ его себѣ представлялъ, можетъ быть изображено такою схемой:

1) Греч. романы, 185—6; Ист. рус. Слов. Галахова², I, 235.

2) Онъ выражается не совсѣмъ ясно: стихи народные „происходятъ отъ той (рукописной) редакціи, которая стояла ближе къ „Феодоровской“ рукописи и Кутеинскому изданію“. Къ чему же именно? Эти два варианта въ предыдущемъ изложеніи Кирпичниковымъ достаточно различены; повидимому, дѣло идетъ о редакціи, сохраненной въ „Феодоровской“ рукописи.

3) Такъ на данныхъ Житія по его мнѣнію основаны: 1) весь № 60 у Безсонова; 2) указаніе на вѣрныхъ слугъ въ № 45; 3) указаніе на длинные волосы въ № 50.



Болѣе обстоятельному разбору вопросъ о происхожденіи „Діалога” и вообще о взаимоотношеніи типовъ стиха о Варлаамѣ и Іоасафѣ не подвергался; между тѣмъ болѣе внимательное сопоставленіе типовъ стиха позволитъ, можетъ быть, придти къ выводамъ, дополняющимъ и частью нѣсколько измѣняющимъ схему, предложенную Кирпичниковымъ.

Нѣкоторый свѣтъ на судьбу стиховъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ можетъ пролить привлеченіе къ сравнительному изученію еще одного стиха, недавно записаннаго нашимъ извѣстнымъ этнографомъ А. В. Марковымъ, прославившимъ себя своими записями „Бѣломорскихъ былинь”. Кромѣ былинь, г. Марковъ тамъ же, на дальнемъ сѣверѣ, въ Архангельской губерніи, записалъ рядъ духовныхъ стиховъ, изъ которыхъ далеко не всѣ еще увидѣли свѣтъ. Въ числѣ другихъ записанъ имъ въ с. Нижней Зимней Золотицѣ, на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, отъ извѣстной пѣвицы былинь, крестьянки А. М. Крюковой, тотъ стихъ, о которомъ я сейчасъ говорю. Этотъ стихъ, любопытный прежде всего обстоятельностью и полнотою повѣствованія, въ 243 строкахъ пересказываетъ цѣлое житіе Іоасафа, впрочемъ, нѣсколько не оконченное: конецъ стиха пѣвица забыла; но, судя по содержанію, забыла она уже немного. А. В. Марковъ любезно предложилъ мнѣ воспользоваться его записью и предоставилъ право опубликовать ее ранѣе выхода въ свѣтъ его сборника духовныхъ стиховъ; пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, приношу за него А. В. Маркову глубочайшую благодарность; текстъ печатаю въ при-

ложеніи къ настоящей статьѣ. Данный стихъ представляетъ особый, *шестой типъ*, который въ дальнѣйшемъ изложеніи буду называть „Сѣвернымъ стихомъ“. Этотъ типъ представляетъ передѣлку Житія Іоасафа, съ остановками на нѣсколькихъ отдѣльныхъ моментахъ, ознаменованныхъ наиболѣе сильными душевными движеніями героя; таковы: встрѣча царевича съ Варлаамомъ и бесѣда съ нимъ; пріемъ Іоасафомъ Варлаама и новая бесѣда съ нимъ; тоска Іоасафа по уходѣ Варлаама, удаленіе его въ пустыню, краткая бесѣда съ нею; бесѣда съ Варлаамомъ въ пустынѣ, главнымъ образомъ о вѣнцахъ, уготованныхъ Богомъ праведникамъ на томъ свѣтѣ.

Если мы сравнимъ этотъ б-й типъ съ рассмотрѣнными выше, то прежде всего по отношенію къ формѣ найдемъ въ немъ размѣръ близкій къ тому, который оказывается и въ типѣ „Монастырской пѣсни“: короткій стихъ, женскія окончанія. Многія мѣста и по содержанію напоминаютъ соотвѣтствующія мѣста въ „Мон. пѣснѣ“, а иногда совпадаютъ съ ними: такъ, Варлаамъ и тамъ называется „купцомъ премудрымъ“; такъ, сходными чертами изображается состояніе царевича по уходѣ Варлаама, прибытіе его въ пустыню и обращеніе къ этой послѣдней:

Безсоновъ, № 176.	Мусатовъ.	Запись А. В. Маркова.
Остался царевичъ послѣ Варлаама, Завсегда сталъ плакать: „Не хочу я пребывать безъ старца. Оставляю я царство, иду во пустыню.... Пустыня любезная! Доведи мене до старца, И я ему буду Служить вѣрно какъ отцу” (вар.: съ нимъ я жить желаю....). Сказала пустыня Отроку младому....	Остался царевичъ послѣ Варлаама, И сталъ горько плакать. „Не хочу здѣсь пребывать безъ святаго старца; Иду я въ пустыню, оставляя царство.... Пустыня любезна! доведи до старца. Съ нимъ я жить желаю....” Пустыня сказала отроку младому....	Остался царевичъ послѣ Варлаама, Завсегда сталъ плакать. „Не могу я здѣсь пребывать безъ старца!” Слезно онъ все плачетъ. Царства онъ лишился, Самъ пошелъ въ пустыню. Слезно, идетъ, плачетъ. „Пустыня святая, Доведи до старца! Симъ(?) я жить желаю....” Пустыня скажетъ Отроку младому...

Въ Сѣверномъ стихѣ находимъ и мѣсто, въ которомъ говорится о взиманіи солнца рукою, и которое я отмѣтилъ выше въ „Мон. пѣснѣ“; но это мѣсто пѣвцами, очевидно, не понято и искажено: въ „Мон. пѣснѣ“, ближе стоящей (во всѣхъ вариантахъ) къ книжному источнику, смыслъ сохраненъ яснѣе: Варлаамъ, восхваляя принесенный имъ драгоценный

камень, говоритъ, что удобнѣе солнце взять рукою, чѣмъ опредѣлить стоимость камня. Въ Сѣверномъ же стихѣ соотвѣтствующія слова вложены въ уста не Варлааму, а Іоасафу: послѣдній, заявивъ, что хочетъ затвориться въ пустынь, предлагаетъ затѣмъ Варлааму измѣрить небеса, взять рукою солнце съ мѣсяцемъ и звѣздами. Для чего? Быть можетъ, для испытанія мудрости Варлаама; пусть послѣдній покажетъ ее:

Можошь, можошь ли, Варлаамей,
Взять ты соньцо, взять рукою,
Красно соньцо взять со лунами,
Свѣтель мѣсець со звѣздами?
Ты таку зъдѣлать мудру мудрось,
Противъ того нечевó не будетъ;
Запоемъ тогда мы славу,
Запоемъ то славу Восподьню (ст. 172—179).

Но очевидно, слова эти поставлены не къ мѣсту: если Іоасафъ дѣлаетъ такое сверхъестественное чудо условіемъ своего обращенія, то непонятно и то, что онъ уже ранѣе заявилъ Варлааму о своемъ желаніи послѣдовать его примѣру, и то, что онъ, когда Варлаамъ заявилъ о невозможности сотворить такое чудо, нисколько не смущается и остается полонъ желанія стать христіаниномъ и проникнуть тѣми же пустыннолюбивыми стремленіями. Пѣвица ли, пѣвшая стихъ А. В. Маркову, или еще ея учителя забыли первоначальное значеніе данной подробности и мѣсто, которое принадлежало ей въ общемъ ходѣ повѣствованія,—но самый образъ взятія солнца рукою по своей смѣлости могъ имъ понравиться, и они на свой страхъ ввели его въ стихъ въ ненадлежащемъ мѣстѣ (и усилили: не только о солнцѣ говорится въ сѣверномъ стихѣ, но и о мѣсяцѣ и звѣздахъ).

Въ обоихъ этихъ типахъ (4-мъ и 6-мъ) мы встрѣчаемъ и преніе о свойствахъ пустынной жизни, правда, въ очень краткомъ видѣ: въ „Мон. пѣснѣ” пустыня, въ отвѣтъ на просьбу Іоасафа довести его до старца, отвѣчаетъ предупрежденіемъ, что жить въ ней горько и трудно: надо постоянно молиться и поститься; царевичъ заявляетъ о своемъ твердомъ желаніи подвига; въ Сѣв. стихѣ мысль о трудности жизни въ пустынь высказана раньше и притомъ вложена въ уста не пустыни, а Варлаама, во время бесѣды его съ царевичемъ:

Ты пресладкое мое цядо,
Іоасафъ свѣтъ цяревичь!
Во пустыни жить вѣдь надоть горько,
Надоть заповѣди имѣть Восподьни... (ст. 90—93).

Говоря о трудностях пустынной жизни, Варлаамъ между прочимъ указываетъ на примѣръ Іоанна Предтечи, который, живя въ пустынѣ, питался болотной водой и гнилой колодой. Іоасафа не смущаетъ трудность:

„Нечево я не боюсь-то,
Нечево я не страшусь-то.
Я лишусь у папы царсва,
Я иду съ тобой въ пустыню (ст. 103—106).

Послѣ этого разговора съ Варлаамомъ преніе въ бесѣдѣ съ пустынею было бы излишнимъ повтореніемъ, и въ Сѣверномъ стихѣ пустыня, въ отвѣтъ на просьбу царевича довести его до Варлаама, отвѣчаетъ приглашеніемъ: „Иди въ пустыню” (ст. 209).

Черты сходства между „Монастырскою пѣснею” и сѣвернымъ стихомъ настолько значительны, что невозможно это сходство считать случайнымъ и не объяснять его общностью источника. А такъ какъ для „Монаст. пѣсни” мы, очевидно, должны предположить книжный источникъ, то къ этому же источнику, въ основаніи, мы должны возвести и Сѣверный стихъ. По всей вѣроятности этотъ источникъ представлялъ собою стихотворную біографію царевича, изложенную въ духѣ той же старой школьной литературы, силлабическими стихами. Наличие вышеуказаннаго третьяго типа стиха подтверждаетъ, что былъ интересъ къ подобнымъ стихотворнымъ переложеніямъ жизнеописанія Іоасафа. Предположить, что Сѣверный стихъ развился подъ вліяніемъ „Мон. пѣсни”, невозможно, такъ какъ содержаніе послѣдней отвѣчаетъ лишь части содержанія перваго.

Но оба типа, о которыхъ идетъ рѣчь, т. е. „Монастырская пѣсня” и Сѣверный стихъ, представляютъ не мало точекъ соприкосновенія съ наиболѣе распространеннымъ въ народѣ типомъ нашего стиха, съ „Діалогомъ”: оба они содержатъ основные элементы того единственнаго эпизода, на которомъ остановился послѣдній: обращеніе къ пустынѣ, желаніе жить въ ней, разговоръ съ нею, преніе о трудностяхъ пустынножитія. При этомъ однако нѣкоторыя черты въ предѣлахъ даннаго эпизода являются общими Сѣверному стиху и „Діалогу” въ отличіе отъ „Монастырской пѣсни”, другія—этой послѣдней и Сѣверному стиху, третьи—„Діалогу” и „Мон. пѣснѣ”.

Преніе о трудностяхъ пустынножитія, такъ привлекшее къ себѣ вниманіе народныхъ пѣвцовъ, входитъ такимъ образомъ во всѣ варианты послѣднихъ трехъ типовъ стиха, хотя

и не вполне въ одинаковомъ видѣ. Главное отличіе Сѣвернаго стиха отъ „Діалога” и „Монастырской пѣсни”, состоитъ въ пониманіи и приуроченіи пренія: въ Сѣверномъ стихѣ оно отдѣлено отъ бесѣды съ пустынею и перенесено къ моменту бесѣды съ Варлаамомъ; этотъ послѣдній, а не олицетворенная пустыня говоритъ Іоасафу о пустынныхъ тягостяхъ. Но при этомъ въ содержаніи указаній, дѣлаемыхъ Варлаамомъ, находимъ нѣкоторыя детали, представляющія сходство съ рѣчами самой пустыни въ „Діалогѣ” и отсутствующія въ „Монаст. пѣснѣ”: такова ссылка на гнилую колоду и болотную воду и св. Предтечу, который ими питался, живя въ пустынѣ;

Тамъ вѣдь жилъ былъ Предотеца...
Ишше пиль Предотеця
Онъ болотную воду,
Ишше кушалъ Предотеця
Онъ гнилую колоду (ст. 96, 99—102).

Что касается „Мон. пѣсни”, то она въ свою очередь приближается къ „Діалогу” въ томъ отношеніи, что также выдвигаетъ на очень видное мѣсто моментъ вступленія Іоасафа въ пустыню и къ нему приурочиваетъ преніе о трудностяхъ пустынной жизни; „Діалогъ” останавливается уже исключительно на этомъ моментѣ и развиваетъ мотивъ пренія различными подробностями. Главное внутреннее отличіе „Діалога” отъ другихъ типовъ — это его лирический характеръ, стремленіе изобразить настроеніе царевича, его душевное состояніе, приподнятое и возбужденное, обуславливающее переворотъ во всей его жизни. Въ этомъ смыслѣ „Діалогъ” представляетъ дальнѣйшую ступень въ разработкѣ даннаго мотива, сохранившася въ двухъ другихъ типахъ въ болѣе спокойныхъ, объективныхъ пересказахъ; особенно такой характеръ замѣтенъ въ Сѣверномъ стихѣ (а „Монаст. пѣсня” занимаетъ въ этомъ отношеніи какъ бы середину между ними); это соответствуетъ, кажется мнѣ, тому обстоятельству, что Сѣверный стихъ записанъ въ области, гдѣ еще обнаруживаетъ живучесть эпическая традиція и эпическая концепція поэтического матеріала, которая не стремится къ той концентраціи, къ тому освѣщенію душевныхъ движеній героя въ поворотный моментъ его жизни, какія старается дать „Діалогъ”.

Если отбросить этотъ лирический элементъ и развитіе въ его направленіи основнаго мотива въ „Діалогѣ”, то мы получимъ чрезвычайно большое сходство между разсматриваемыми произведеніями, т. е. между „Діалогомъ” съ одной стороны, „Мон. пѣснею” и Сѣвернымъ стихомъ съ другой. Это сходство

заставляетъ придти къ выводу, что и народный „Діалогъ” въ основаніи имѣетъ тотъ же источникъ, силлабическаго характера, который до насъ не дошелъ, но который предположенъ уже мною на основаніи сравненія „Монаст. пѣсни” и Сѣвернаго стиха; при этомъ, конечно, „Діалогъ” использовалъ не весь источникъ, а только одинъ его эпизодъ. То обстоятельство, что различныя, мелкія иногда, детали входятъ иногда во всѣ три послѣдніе типа стиха, а иногда въ тѣ или другіе два изъ трехъ, не входя въ третій, можетъ быть объяснено наилучшимъ образомъ именно при допущеніи этого общаго источника; различныя черты его могли быть сохранены то всѣми тремя типами, то двумя, то даже однимъ.

Содержаніе предполагаемаго мною источника съ значительною вѣроятностью можно возстановить путемъ сравненія послѣднихъ трехъ типовъ стиха, изъ которыхъ послѣдній (Сѣверный стихъ) воспроизводитъ его наиболѣе полно; въ него, надо полагать, входили: пророчество объ Іоасафѣ, встрѣча царевича со старцемъ, бесѣда съ Варлаамомъ, тоска царевича по его уходѣ, удаленіе въ пустыню, бесѣда съ нею. Подробность о драгоцѣнномъ камнѣ и о взятіи солнца рукою сохранена въ четвертомъ типѣ („Монастырская пѣсня”) въ болѣе близкомъ къ источнику видѣ.

Изъ книжнаго источника можно объяснить и тотъ лирическій элементъ, который слегка чувствуется и въ эпическомъ Сѣверномъ стихѣ, хотя и ослабленъ сравнительно съ „Монастырской пѣсней” и „Діалогомъ”.

Преніе о трудностяхъ пустынножитія, въ томъ или иномъ видѣ входящее во всѣ варианты послѣднихъ трехъ типовъ стиха, очевидно, было въ источникѣ; но трудно сказать, какое мѣсто оно въ немъ занимало и какой видъ имѣло, а стало быть, въ какомъ изъ новѣйшихъ пересказовъ сохранилось вѣрнѣе. Приуроченіе его къ моменту вступленія въ пустыню вездѣ, кромѣ Сѣвернаго стиха, заставляетъ какъ будто считать такую именно связь болѣе прочною и первоначальною. Къ тому же мы знаемъ, что стихотворцевъ XVII в. интересовалъ уже именно этотъ моментъ жизни царевича; авторъ предполагаемаго мною стихотворенія могъ уже найти опозтеизированіе этого момента въ старинныхъ стихотвореніяхъ XVII в. (кутеинской „Пѣсни” и московской „Молитвѣ”). Тамъ уже онъ могъ найти и мотивъ обращенія юноши Іоасафа къ пустынѣ и олицетвореніе этой послѣдней. Не принадлежало ли потому перенесеніе пренія къ началу повѣствованія, къ бесѣдѣ Іоасафа съ Варлаамомъ, народнымъ пѣвцамъ Сѣвернаго стиха?

Въ духѣ бѳльшей эпичности изложенія, на которую я уже указывалъ, они могли ослабить элементы олицетворенія и лиризма, съ бѳльшей послѣдовательностью и естественностью излагать событія жизни царевича и замѣнить бесѣду съ пустынею бесѣдою съ Варлаамомъ, съ которымъ такъ естественно было Іоасафу заговорить объ обстоятельствахъ пустыннаго житія. Разговоръ же съ пустынею уменьшился до очень скромныхъ размѣровъ.

Такимъ образомъ я полагаю, что сопоставленіе послѣднихъ трехъ типовъ стиха о Варлаамѣ и Іоасафѣ позволяетъ предположить для нихъ основной общій, именно книжный, источникъ. Этотъ источникъ (стихотвореніе силлабическаго характера) въ свою очередь воспользовался стихотвореніями XVII в., а равно и житіемъ царевича, различные эпизоды котораго и пересказывалъ (между прочимъ такіе, которые сохранились только въ Сѣверномъ стихѣ, какъ видѣніе уготованныхъ на томъ свѣтѣ вѣнцовъ: Сѣв. стихъ, 228—236). Намѣченные въ раннихъ стихотвореніяхъ: образъ олицетворенной пустыни и мотивъ бесѣды Іоасафа съ нею, авторъ предполагаемаго мною книжнаго стихотворенія распространилъ и развилъ подробностями тѣхъ страховъ, о которыхъ лишь упоминаетъ „Пѣснь“. По крайней мѣрѣ такъ возможно предполагать по отношенію къ тѣмъ подробностямъ, которыя общи или всѣмъ послѣднимъ тремъ типамъ (4—6) стиха или хотя бы двумъ изъ нихъ. Народные пѣвцы еще больше развили значеніе бесѣды царевича съ пустыней. При такомъ пониманіи дѣла я иначе смотрю на соотношеніе типовъ четвертаго и пятаго („Монастырской пѣсни“ и „Діалога“), чѣмъ Кирпичниковъ, объясняя сходныя черты между ними не вліяніемъ „Діалога“ на „Мон. пѣсню“, а общностью источника.

Предположеніе Кирпичникова¹⁾, что извѣстныя черты въ нѣкоторыхъ вариантахъ „Діалога“ испытали новое вліяніе со стороны Житія царевича, остается въ силѣ. Сравненіе же съ первымъ типомъ („Пѣснью“) позволяетъ допустить вліяніе и съ его стороны. Это вліяніе могло прежде всего подсказать народнымъ пѣвцамъ мысль выдѣлить именно моментъ входа въ пустыню и обращенія къ ней царевича; посвятить стихъ лирическому изліянію душевнаго настроенія Іоасафа; далѣе, „Пѣснь“ могла повліять на одну важную подробность народнаго стиха; я говорю о представленіи пустыни въ образѣ сада; этотъ образъ, столь развитой въ „Діалогѣ“, ясенъ уже въ

1) Греч. романы..., 186.

„Пѣсни”, гдѣ говорится о зыблющемся отъ вѣтровъ „зеленомъ листвіи” пустыни и т. п. Говоря о вліяніи на „Діалогъ” со стороны „Пѣсни”, я имѣю въ виду не столько самую „Пѣснь” въ Кутеинскомъ изданіи 1637 г., сколько ея позднѣйшія передѣлки, рукописныя ли, вродѣ упомянутой выше „Федоровской” рукописи, или устныя; и Кирпичниковъ готовъ былъ возвести „Діалогъ” не прямо къ „Пѣсни” 1637 г., а именно къ тексту „Федоровской” рукописи¹⁾. Распространенность текстовъ этого рода, особенно рукописныхъ (разсмотрѣнных мною рукописи стиховъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ даютъ текстъ именно въ формѣ этой передѣлки), дѣлаетъ вполне возможнымъ вліяніе перваго типа стиха на „Діалогъ”. Народнымъ пѣвцамъ образъ сада показался привлекательнымъ, и они развили его, рисуя наслажденіе природою, которое Іоасафъ ожидаетъ найти въ пустынѣ. Я полагаю, что на данный образъ повліялъ и другой стихъ, именно „Плачь Адамовъ”, въ которомъ Адамъ также взываетъ къ прекрасному саду, т. е. раю, изъ котораго онъ изгнанъ, но котораго вожделѣетъ его душа. Стихъ этотъ очень распространенъ (у Безсонова, напр., №№ 632—666) и основанъ на богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ сыропустной недѣли, въ кото рыхъ достаточно развитъ интересующій меня образъ (въ стихирахъ и особенно въ икосѣ²⁾ этого дня), и содержаніе которыхъ въ главныхъ чертахъ воспроизводится народными пѣвцами. Изъ Плача Адамова могло перейти въ нашъ стихъ типа „Діалога” представленіе Іоасафа *плачущимъ* передъ садомъ, неизвѣстное другимъ типамъ стиха о немъ³⁾; въ нѣкоторыхъ вариантахъ соотвѣтственно тому пустыня называется

1) То же подтверждаетъ сличеніемъ нѣкоторыхъ подробностей и Ю. М. Соколовъ: „Весна и народный аскетическій идеаль”. Р. Ф. В. 1910, 3/4, 82.

2) Привожу текстъ икоса.

Сѣде Адамъ тогда и плакася прямо сладости рая, рукама бія лице, и глаголаше: Милостиве, помилуй мя падшаго.

Видѣвъ Адамъ ангела изринувша и затворивша божественнаго сада дверь, воздохну вельми и глагола: Милостиве, помилуй мя падшаго.

Споболи, раю, стяжателю обнищавшу и шумомъ листвій своихъ умоли Содѣтеля, да не затворить тя. Милостиве, помилуй мя падшаго.

Раю вседобродѣтельный, всесвятый, всебогатый, Адама ради насажденный и Евы ради заключенный, умоли Бога о падшемъ: Милостиве, помилуй мя падшаго.

3) „Расплакался Адамій,
Передъ раемъ стоя” —

обычное начало „Плача Адамова” (см. Безсоновъ, № 659 и др.);

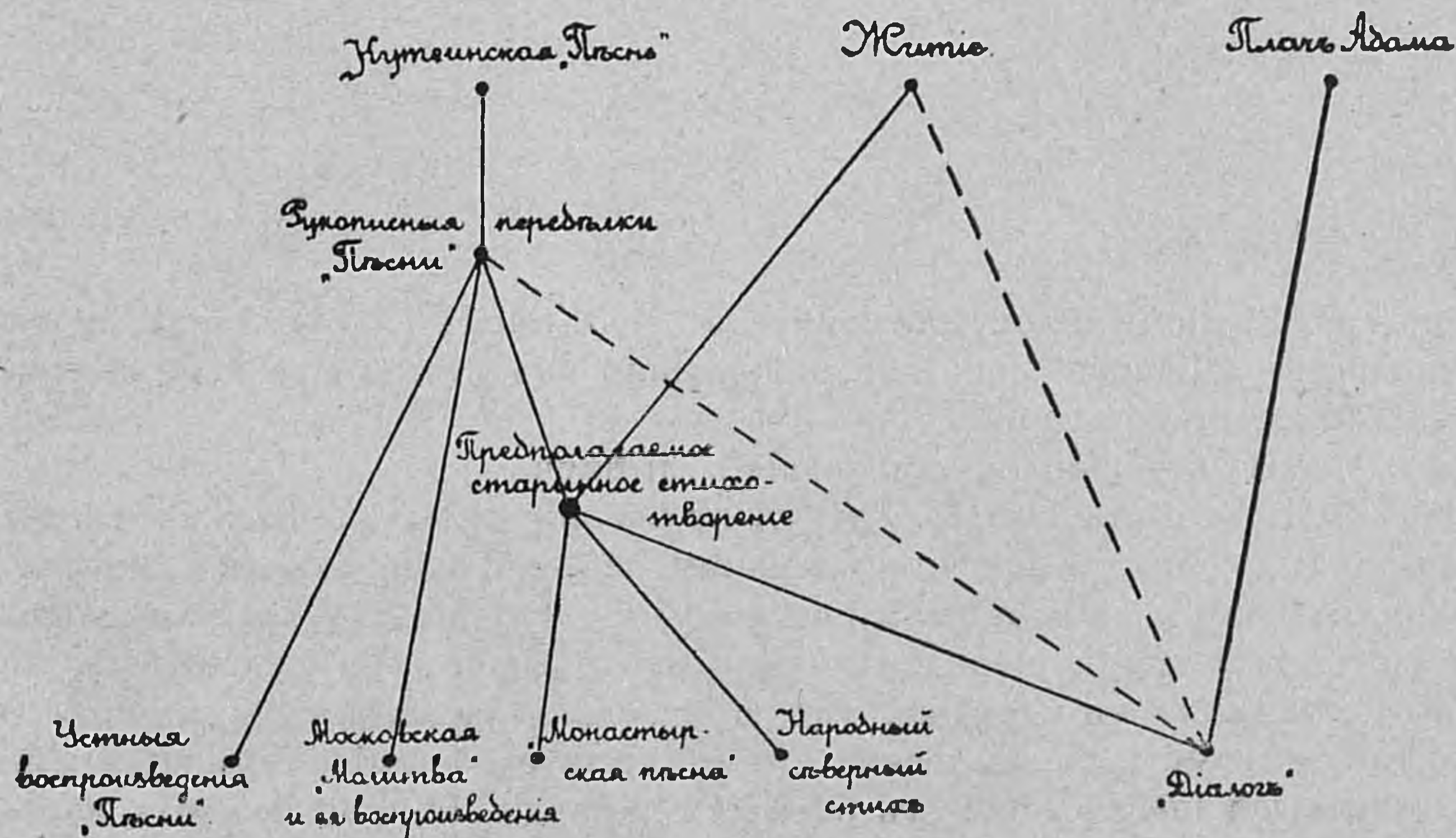
„Расплакался молодой юношъ,

Іоасафъ царевичъ, предъ пустынею стоя”, — начало нашего стиха.

„матерью прекрасной пустыней”: Во дальней во долинь Тамъ стояла мать прекрасная пустыня (Безсоновъ, № 46). Въ вариантѣ Плача Адамова (Безсоновъ, № 642) мы находимъ такія же подробности въ характеристикѣ рая, какими утѣшаетъ себя при мысли о пустынь Іоасафъ: растительность (въ Плачѣ — цвѣты, въ стихѣ объ Іоасафѣ—листья) и чудныя птицы. Близость плачей Адамова и Іоасафова подтверждается и тѣмъ, что они встрѣчаются въ одной и той же рукописи; укажу, напри- мѣръ, рукописи Богданова ¹⁾, заключающія Плачъ Адама, Мо- литву Іоасафа и Плачъ послѣдняго (№№ 70, 86).

Роль народныхъ пѣвцовъ въ выработкѣ типа „Диалога” при принятіи моего предположенія опредѣлить точно довольно трудно, такъ какъ само предполагаемое стихотвореніе нельзя возстановить съ точностью; но сравнивая всѣ три послѣдніе типа стиха, можемъ полагать, что они, остановившись на моментѣ входа Іоасафа въ пустыню, развили мотивъ пренія и дали ему своеобразное освѣщеніе, проникнутое извѣстною напря- женностью и восторженностью настроенія, восторженностью, направленной какъ на подвиги аскетизма, такъ и на насла- жденіе природою.

Результаты моихъ соображеній можно представить въ ви- дѣ слѣдующей схемы ²⁾.



1) И. А. Бѣчковъ, Описание рукописей Богданова, II.

2) Относительно предлагаемой схемы я долженъ замѣтить слѣдую- щее: допустивъ выше возможность новаго вліянія на народный стихъ („Диалогъ”) со стороны Житія, я въ схемѣ обозначаю это вліяніе пунктир- ной линією: обозначаю этимъ способомъ, что черты, сближающія „Диа-

Конечно, разсмотрѣнныя переработки могли восходить къ своимъ источникамъ или непосредственно или черезъ рядъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ переработокъ.

Такимъ образомъ я предполагаю бѣольшую связь между духовнымъ народнымъ стихомъ объ Іоасафѣ и книжною литературой школьнаго происхожденія, чѣмъ это думалъ, напр. Кирпичниковъ; мнѣ кажется—и это главное отличіе моего мнѣнія, что самый мотивъ діалога, пренія царевича съ пустыней принадлежитъ изобрѣтенію книжника-стихотворца, а не народныхъ пѣвцовъ (которымъ это изобрѣтеніе, хотя бы и на основаніи извѣстнаго выраженія¹⁾ въ книжномъ стихѣ, приписываютъ Кирпичниковъ, а за нимъ въ послѣднее время²⁾ Ю. М. Соколовъ). Если мое предположеніе справедливо, то оно прибавляетъ нѣсколько новыхъ штриховъ къ картинѣ, представляющей усвоеніе нашимъ великорусскимъ сѣверомъ старинной литературы школьнаго типа, южно-русскаго происхожденія, и вліяніе этой послѣдней на великорусскую народную поэзію³⁾.

А. П. Кадлубовскій.

логъ” съ Житіемъ и отсутствующія въ „Мон. пѣснѣ” и Сѣв. стихѣ, могли попасть въ „Діалогъ” или непосредственно изъ Житія или черезъ предполагаемое стихотвореніе.

1) „Не страшай меня, пустыня”... и проч.

2) Назв. статья, стр. 83. Замѣчу, что основная мысль статьи Ю. М. Соколова о томъ, что въ наиболѣе древнемъ видѣ народнаго стиха („Діалога”) рѣчь о веснѣ и ея красотахъ влагалась въ уста Іоасафу, а не пустынѣ, и указывался такимъ образомъ одинъ изъ мотивовъ, побуждающихъ Іоасафа стремиться въ пустыню, гдѣ онъ будетъ наслаждаться природой,— по моему мнѣнію, основательна и соотвѣтствуетъ старѣйшимъ книжнымъ стихамъ, гдѣ Іоасафъ рисуетъ прелесть природы и предвкушаетъ наслажденіе ея близости.

3) Интересъ школьныхъ поэтовъ къ личностямъ Іоасафа и Варлаама подтверждается и стихотвореніями, принадлежащими Симеону Полоцкому (въ которомъ можно предполагать и автора „Молитвы” въ изданіи 1681 г.) и вошедшими въ его Риѣмологіонъ. Риторическія по своему содержанію, они еще не изданы и я ихъ знаю по сообщенію мнѣ А. И. Бѣлецкаго.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

*Сѣверно-русскій Стихъ о Варлаамѣ и Іосафѣ въ записи
А. В. Маркова.*

Стихъ о Варлаамѣ и Іосафѣ записанъ въ 1899 г. А. В. Марковымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ селѣ Нижней Золотицѣ, отъ крестьянки А. М. Крюковой, знаменитой пѣвицы былинь (см. Бѣломорскія былины, стр. 27 и слл.; Матеріалы, собранныя въ Архангельской губ., стр. 8—9, 17 и др.). Стихъ этотъ Крюкова переняла у покойной сосѣдки Марѣы Ларионовны (см. о ней „Бѣломорскія былины“, стр. 273)....

Изъ сообщенія А. В. Маркова.

Іосафъ и Варлаамій.

- Былъ жилъ царь премудрой.
Народилса же у царя-то,
И родилось вѣдь цядо мило,
Какъ родилса тутъ младъ цяревиць;
5. Нарекали-то ему имя
Іосафъ же сѣвѣтъ цяревиць.
Мудреци были, люди хитры,
Шьчо сказали цярю премудрому:
„Ты не радуйсе, цяръ премудрой,
10. Своёму сыну Іосафу,
Іосафу ты всё цяревицю:
Онъ оставитъ твоё царсво,
Всё большо твоё государсво;
Онъ поступитъ же, млáдой юноша,
15. Въ православну вѣру, въ крешшону;
Онъ свою душу будетъ спасати,
Во Христа онъ будётъ вѣритъ”.
Онъ возросъ тутъ Іосафъ же,
Онъ возросъ-то до лѣтъ петнадцеть.
20. Некуда-то же онъ не ходитъ
Ись полатъ-то, полатъ царскихъ.
Говорилъ ёму царь премудрой,
Ево батюшко-сѣвѣтъ родимой:
„Прогуляй-се, младъ мой юноша,
25. Іосафъ ты мой сѣвѣтъ цяревиць,
По играмъ по всимъ, по бесѣдамъ.
Соберу я тебѣ дѣвиць же,
У царей дочерей королевскихъ;
Приведу я къ тебѣ въ полаты
30. Ихъ во плати драгоцѣнномъ;
Звеселятъ тебя, млáдого юношу”.
Промолцялъ Іосафъ цяревиць,—
Не отвѣту ёму всё, не привѣту.
Говорить-то своёму дядьки:

35. „Ты любезной мой милой дядька!
Ты поѣдемъ со мной всё прогулятьце
По тому ли мы по царсву.
Я послушаю отца своево,
Я царя же всё премудрого”.
40. Тутъ вѣдь царь тому зрадовалсѣ,
Іосафъ-отъ шьто поѣжжаетъ.
Какъ уѣхалъ Осафъ цяревичь ¹⁾:
„Шьто премудри мнѣ-ка люди
Ето всё мнѣ пустó сказали!”
45. Какъ поѣхали по царству,
Увидалъ Іосафъ цяревичь,
Увидалъ онъ чудо чудноѣ,
Онъ увидѣлъ диво дивно:
Онъ сѣдатога старога старьця.
50. Говорилъ онъ своёму дядьки:
Шьчо любезной мой милой дядька!
Тутъ какой идѣтъ старой старецъ,
Тутъ какой же идѣтъ сѣдатой?”
Говорить-то вѣдь ему дядька:
55. Ты не бойсе, пресладко цядо,
Іосафъ ты нашъ цяревичь:
Етотъ старецъ-отъ такой же былъ,
Какъ вѣдь ты-то теперъ и я какой;
Постарѣлъ онъ теперъ въ пустыни;
60. Онъ трудитце, Богу молитце,
Мало хлѣба онъ воскушаетъ.—
Говорить-то тутъ Іосафъ цяревичь:
„Ты любезной мой милой дядька!
Призови ты ко мнѣ поближе,
65. Мнѣ-ка рѣць шьтобы говорить съ имъ,
Про пустыню мнѣ спросить же”.
Дядька сѣзвалъ же того старьца;
Старецъ всё пришолъ къ ему близко,
Всё пришолъ къ имъ, становилсѣ,
70. Цяревичю ниско поклонилсѣ.
Тутъ увидялъ младъ цяревичь
Всё одежду ихну пустыньску,
Самъ тому скоро ужахнѣлсѣ.
Проречѣтъ тутъ младъ цяревичь:
75. „Тебе какъ мнѣ-ка звать-то, старьце?”
Старецъ отъ радосьти взираетъ
На прекрасного всё на юношу,
На Іосафа свѣтъ цяревичя:
—Ты зови, зови миня, цядо,
80. Іосафъ свѣтъ, зови, цяревичь,
Какъ зовутъ миня Купецъ Премудрой;
Нонѣ миня зовутъ какъ—
Я сьвятой теперъ Варлаамій.—

¹⁾ „Царь заговорить” (замѣчаніе пѣвицы).

- Проречетъ младъ нашъ юноша
85. Іосафъ-то свѣтъ царевиць:
„Ты скажи мнѣ, о купецъ премудрой,
Скажи, святой Варлаамій,
Роскажи ты мнѣ сушшу правду,
Роскажи про съвяту пустыню”.
90. —Ты пресладкое мое цядо,
Іосафъ свѣтъ царевиць!
Во пустыни жить вѣдь надоть горько,
Надоть заповѣди имѣть Восподьни.
Я скажу про одну пустыню
95. Молодому тебѣ юнаши:
Тамъ вѣдь жилъ былъ Предотеца,
Все вѣдь жилъ онъ, Богу молилсэ.
Шьчо питалсэ Предотеця:
Ишше пиль Предотеця
100. Онъ болотную воду,
Ишше кушалъ Предотеця
Онъ гнилую колоду.—
„Нечевó-то я не боюсь-то,
Нечево я не страшусь-то.
105. Я лишусь у папы царсва,
Я иду съ тобой въ пустыню”.
Говоритъ Іосафъ царевиць:
„Ты зайди, зайди ко мнѣ, старце,
Ужъ ты, о купецъ премудрой,
110. Ты съвятой, съвятой Варлаамій!”
Говоритъ съвятой Варлаамій:
—Ужъ ты кой еси, Іосафъ ты,
Іосафъ ты свѣтъ царевиць!
Не допусьтятъ до тебя слуги:
115. Ты за замками сидишь за крѣпкима,
За строгима караулами.—
„Ты приди, приди ко мнѣ, старецъ,
Ты приди-ко, приди, не бойсе!”
—Я приду, приду къ тебѣ, цядо,
120. Оману твоихъ караульщиковъ:
Я скажу, шьто иду зъ дарами,
Дравоцѣнной несу камень.—
Пріѣжаётъ Іосафъ царевиць,—
Ево батюшко стрѣцаетъ:
125. „Шьчо пресладкое мое цядо,
Іосафъ свѣтъ царевиць!
Каково тебѣ погулялось,
Каково тебѣ показалось?”
Прорецѣтъ-то Іосафъ царевиць
130. Своему онъ батюшку родному:
—Нечево я почти не видялъ,
Нечево мнѣ не прилюбилось.—
Запиралось ихно цядо
Во свои-ти онъ полаты.

135. 'Идетъ-то купецъ премудрой,
Шьто святой къ ему Варлаамій.
Варлаамія не пускають;
Варлаамій отвѣчаетъ
Онъ святымъ же своимъ духомъ:
140. „Ужь вы слуги, слуги вѣрны!
Мнѣ царемъ вѣдь все приказано;
Я иду-ту къ ему съ подарками,
Дравоцѣнныя несу камень”.
Скоро слуги пропускали
145. Шьчо светого-то Варлаама.
Отпираётъ онъ полату,—
Возрадѣло сладко цядо,
Онъ берётъ старьца за руку,
Онъ садить ево со слезами,
150. Уречётъ онъ таки рѣчи:
„Ужь ты о купецъ премудрой,
Ты святой, светой Варлаамій!
Вприведи ты въ вѣру крешшону
Ты обѣхъ жо насъ со дядькой”.
155. Приводиль ихъ въ вѣру въ крешшону,
Во крешшону, въ православну.
Проречеть-то чадó пресладко,
Какъ прекрасной-отъ младъ юноша,
Іасафъ же съвѣтъ царицы:
160. „Ужь ты о, купецъ премудрой,
Ты святой, светой Варлаамій!
Ты скажи, скажи мнѣ всю тайнось:
Скажи, какъ ты на свѣтъ родилсэ?
Я Христа въ сибѣ приобряшшу,
165. Приобряшшу Христа я средь собя;
Затворюсь ли я въ съвертепи,
Начну плакать я, младъ царицы,
Во всю жисть-то во грѣхахъ своихъ.
Ужь ты можошь ли, Варлаамій,
170. Небеса ли ты всѣ измѣрить,
Вси моря и всѣи земли?
Можошь ли, можошь ли, Варлаамей,
Взять ты соньцо, взять рукою,
Красно соньцо взять со лунами,
175. Свѣтель мѣсець со зьвѣздами?—
Ты таку зьдѣлать мудру мудрось,
Противъ того нечевó не будетъ;
Запоёмъ тогды мы славу,
Запоёмъ-то славу Восподьню,
180. Непрестанно же будёмъ слушать:
Слава Творцу,
Вѣкамъ Отцу,
И сыну!”
Скажотъ Варлаамей (2):
185. —Не могу взять соньца,

- Не могу взять мѣсець.
Останьсе, царевиць;
Я пойду въ пустыню.
Я тебя найду же (2).—
190. Осталсѣ царевиць
Послѣ Варлаама,
Завсегда сталъ плакать (2):
„Не могу я здѣсе
Пребывать безъ старьца!”
195. Слезно онъ всё плачетъ (2).
Царсва онъ лишилсѣ,
Самъ пошолъ въ пустыню.
Слезно, идетъ, плачетъ (2):
„Пустыня святая,
200. Доведи до старьца!
Симъ я жить желаю,
Я Христа же приобряшшу срѣсь него”.
Пустыня сказуетъ
Отроку младому:
205. —Пресладко наше чядо,
Прекрасной младъ ты юнаша!
Любить тебя Боже (2),
Присладкій Исусе.
Иди во пустыню.—
210. Пожилъ онъ въ пустыни (2).
Сталъ трудомъ трудитце,
Сталъ Богу молитце,
Сталъ постомъ поститце.
„Ты, говоритъ, молиссе и постиссе; вамъ
всѣмъ Богомъ по вѣнцу налажоно: въ
первьихъ тебѣ вѣнецъ, во вторыхъ дядьки
твоему, а въ третьихъ отцю твоему”.
- Скажотъ Варлаамей (2):
215. Юнаша прекрасной (2),
Іасафъ царевиць!
Будѣшь ты богатой (2)—
Пожалѣшь отцю ¹⁾ богатства”.
Отвѣчатъ младъ юнаша (2):
220. —Я, купецъ премудрой,
Святой же Варлаамей,
Жалѣлъ кабы богасьва,
Не лишалсѣ я бы царсва,
Не оставилъ бы всё царсво.—
225. „Вотъ тебѣ скажу я (2):
Мóлисе ты долго”....
Старьцю стало жалко, какъ себя изну-
рялъ Іасафъ царевиць, сталъ молитце за ёго.
„Я скажу, Осафъ царевиць:
Три вѣнца есь приготовлено,

1) Вмѣсто „отча”.

- Купилъ ты себѣ царство небесное:
230. Тебѣ вѣнецъ есь преготовленъ,
У святыхъ въ рукахъ есь анделовъ;
Да ишше вѣнецъ преготовленъ
Шьто любимому дядьки,
Да ишше вѣнецъ преготовленъ
235. Шьто родимому твоѣму папы,
Шьчо царю-ту все премудрому”.
Да вѣдь вопроговорить
Младъ юнаша Іасафъ царевиць:
—Моѣму-ту отцю за шьчо вѣнецъ?
240. Онъ живѣтъ вѣдь въ доми и на царсви;
Онъ постомъ-то, живеть, онъ не поститце,
Ужъ онъ господу Богу, живеть, не молѣтце;
А я вѣкъ полѣжилъ, свою молодость, въ пустыни.

Тогда сказалъ Варлаамій: „Потому ему вѣнецъ, шьто онъ попалъ въ вѣру православну, самъ за тебя молѣтце. Тепереця ты пожалѣшь богатьсва—небесного царсва”¹⁾.

¹⁾ Пѣвица не знала конца стиха; къ изложенному она прибавила лишь слѣдующее: „До того допоетъце, шьто „исторія вся” — такъ вотъ и сказано”.